

МАРИНА ДАВЫДОВА: «БЫТЬ ОТЛИЧНИКОМ - ЭТО ПЛОХО!»

С 15 по 20 сентября в Пекине проходил XXIV Всемирный конгресс по философии права и социальной философии (the International Association for Philosophy of Law and Social Philosophy) темой которого стала мировая гармония и верховенство закона (Global Harmony and Rule of Law).

И сегодня свое «чистосердечное признание» будет давать один из делегатов от России на этом конгрессе, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права - Марина Леонидовна Давыдова.

Антон ТЕСЛЕНКО

Статус: О Пекине мы поговорим чуть позже, а пока расскажем мне о себе, нарисуйте свой словесный автопортрет.

Марина Леонидовна: Я себя оцениваю очень критично. Я – человек, который всегда собой не доволен, и как только я чего-то достигаю в жизни, эти достижения тут же обесцениваются, так как мне сразу кажется, что если уж я этого достигла, то значит, это было достаточно просто и не является таким предметом гордости. Я – человек, который постоянно к чему-то стремиться, и чем это закончится, пока не могу сказать.

С: То есть по натуре вы перфекционист?

М.Л.: Катастрофический.

С: Вы сказали, что постоянно к чему-то стремитесь, а на данном жизненном этапе какова ваша главная цель?

М.Л.: В профессии основная цель – защитить докторскую диссертацию, потому что этот вопрос уже открыт, пройдена докторантура, написан текст, поэтому это те обязательства, которые я уже на себя взяла. Тут хочешь - не хочешь, надо с этим как-то разбираться. В личном плане я, как и большинство родителей, стремлюсь к тому, чтобы максимально выразиться в своих детях.

С: Если уж вы затронули эту тему, расскажите о своей семье?

М.Л.: Семья у меня в основном педагогическая: очень многие члены семьи что-нибудь преподавали. Мама и бабушка – филологи; дедушка был летчиком, но настолько блестящим курсантом, что как бы он не рвался на фронт, его оставили служить инструктором в Качинском училище. Думаю, что в какую сферу я бы ни пошла, я бы, наверное, все равно стала преподавателем. Я вообще считаю, что люди обязательно приходят к тому, чем занимается вся семья.

С: Получается, что у вас династическая семья. Как вы расцениваете династии?

М.Л.: Династии можно расценивать по-разному. Можно говорить о том, что если человек идет по стопам своих родителей, то значит, он выбрал легкий путь, и в какой-то мере это так. Хотя в моем случае все было по-другому. В юриспруденцию из всей семьи я пошла первая, поэтому легким путем это назвать точно нельзя. С другой стороны, человек же не виноват, что он родился в семье врачей или художников, и какая-то информация ему дается легче: то, что другому нужно выучить с нуля, у этого уже есть. Да, что-то дается гораздо легче, но и качество заведомо будет на полбалла выше. Поэтому я считаю, что в династиях очень большая сила и никуда от этого не деться.

С: Как прошло ваше детство?

М.Л.: Не думаю, что оно уже прошло (смеется). Если серьезно, то выросла в Кировском районе, училась сначала в 56-ой, потом в 25-ой школе (сейчас гимназия №9). Училась на отлично и в университете тоже только на отлично. Вообще я сейчас уже понимаю, что отличники – это плохо. Отличники привязаны к своему имиджу, они больше переживают за то, что о них думают окружающие. Допустим, 4 – это совершенно нормальная оценка для всех, но если отличник получает 4, то все оборачиваются и с круглыми глазами спрашивают «КАК?! И у тебя 4?» В такие моменты чувствуешь себя просто уродом. С какого-то момента отличники начинают заботиться именно об этом. И вообще, когда все хорошо – это неправильно, у каждого человека должны быть какие-то минусы. И в учебе, и в жизни надо признавать, что некоторые вещи могут не получаться, и если ты это признаешь, то ты уже нормальный спокойный человек.

С: А какие воспоминания остались об университете?

М.Л.: В большинстве своем это научная работа. С третьего курса я занималась этим очень активно и серьезно. Я просто мечтала, чтобы Николай Николаевич Вопленко взял меня в аспирантуру, писала курсовые работы только по теории государства и права и переживала за то, чтобы он их прочитал и оценил. На третьем курсе научная работа, правда, совместилась с замужеством, а на четвертом – с рождением ребенка. А больше ничего особенно интересного не было.

С: Расскажите о вашем становлении в качестве преподавателя?

М.Л.: После университета сразу поступила в аспирантуру и начала работать ассистентом кафедры теории государства и права. Естественно, как и у всех аспирантов, сразу было желание как можно больше всего преподавать, обязательно поработать где-нибудь еще, кроме университета. Все проходит через желание проверить себя в профессиональной сфере. Сначала ты еще чувствуешь себя студентом и тебе неудобно, что ты тут из себя строишь учительницу, ты только определяешься, как будешь вести себя со студентами. Потом все проходит стадию очень строгого преподавания, заведомо стараешься подчеркнуть дистанцию. Потом, конечно, и это проходит. Я думаю, что становление преподавателя у всех начинается по одной и той же схеме. Возможно, только для кого-то 3-4 года педагогической практики кажутся достаточными, чтобы сказать: «Мое становление произошло». А для кого-то вся жизнь – это становление.

С: А каким Вы себе представляете идеального студента?

М.Л.: Для меня идеальный студент – это тот, кому интересно. Мотивация ведь очень сильно влияет на результат. Кто-то учится ради оценок, кто-то – ради самоутверждения – вариантов множество. Для преподавателя разница всегда заметна, и тех, кому на самом деле интересен предмет, выделяешь сразу.

Для меня идеальный студент – это тот, кому интересно. Кто-то учится ради оценок, кто-то – ради самоутверждения – вариантов множество, но преподавателю разница всегда заметна

С: У Вас есть любимчики?

М.Л.: На самом деле я очень субъективный человек. Всех людей, которые проходят через мою жизнь, я как-то пропускаю через себя, оцениваю не с точки зрения связи «преподаватель-студент», а просто по-человечески. Конечно, есть студенты, которые мне безумно симпатичны. Другой разговор, что демонстрация личного отношения к студенту (не важно, плохого или хорошего) является верхом непрофессионализма. Я думаю, и сами «любимчики» и их одноклассники очень удивились бы, узнав о моем к ним отношении. Для меня, во всяком случае, критерием профессионализма является объективность, т.е. умение скрыть, «связать» свой субъективизм, который, естественно, присутствует в любых межличностных отношениях.

С: Самая важная задача каждого преподавателя – заинтересовать студентов, есть ли у вас какие-то собственные приемы?

М.Л.: Главное, чтобы преподаватель не воспринимал интерес к своему предмету как обязанность студента. Интерес можно рассматривать как награду или как случайное везение, но только не требовать его проявления и не возмущаться: «Что за студенты пошли? Ничего им не интересно!» А вообще интерес – вещь заразная, передается воздушно-капельным путем. Если преподаватель какой-то темой понастоящему болеет, то и студентов обязательно заразит.

С: Давайте поговорим о Китае. Расскажите, пожалуйста, о конгрессе, в котором вы принимали участие?

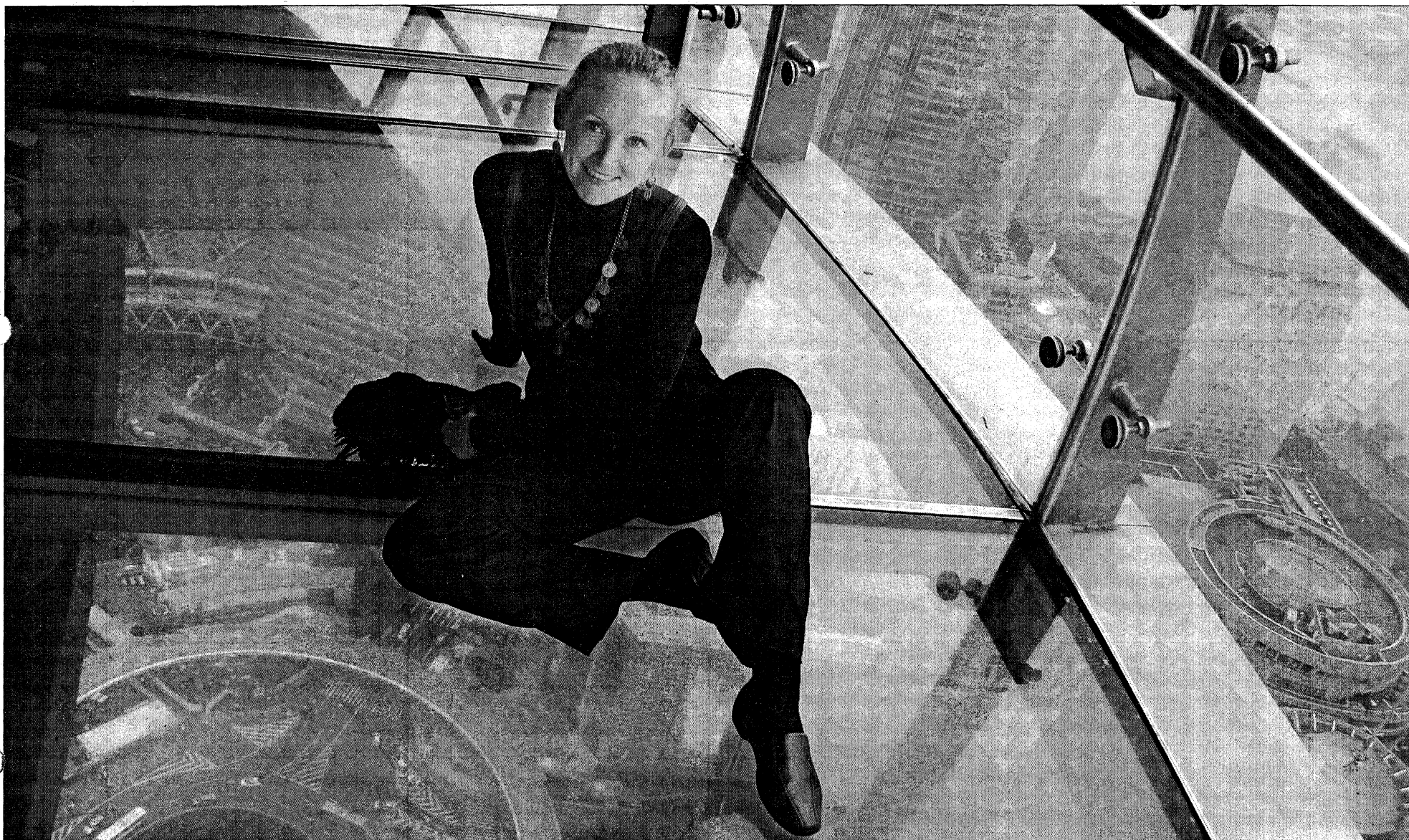
М.Л.: Это был Всемирный конгресс по философии права, он проводится каждые два года в разных странах. Этот, 24 по счету конгресс, проводился в Пекине. Мероприятие очень солидное – огромное количество всемирноизвестных ученых, 200 стран участников. Нашу поездку организовывала украинская общественная организация «ДИАЛОГ-МИР». От Украины и России было 60 делегатов, в том числе очень известные люди. Помимо теоретиков и историков права, таких как профессора В.Г.Графский, В.В.Лазарев, В.Д.Перевалов, Н.Н.Тарасов, А.В.Поляков, Р.А.Ромашов, в российской делегации были известные административисты (проф. Ю.Н.Старилов) и международники (проф. А.Я.Капустин). Кроме впечатлений от самого конгресса и Китая, это было очень полезно с точки зрения общения с известными российскими и украинскими учеными. Украинская наука, кстати, развивается очень активно. Там, например, гораздо серьезнее, чем у нас, занимаются философией права, сравнительным правоведением. Может быть это связано и с тем, что для молодых украинских ученых рабочими языками являются украинский, русский и английский, поэтому они не замыкаются исключительно на местных научных достижениях.

С: Скажите, а как вы попали на этот конгресс?

М.Л.: Тут сыграл немалую роль личный фактор. Организаторы этой поездки, приглашали не только людей имеющих имя в науке, но и людей, которые им представляются интересными и перспективными.

С: Каким образом была построена работа конгресса?

М.Л.: Сам конгресс проходил в течение недели. Работа устроена таким образом, что в первой половине дня читались пленарные доклады, которые слушали все участники, а во второй половине дня шла работа по секциям и рабочим группам. Большинство пленарных выступлений было посвящено проблемам гармонии в современном мире, особенно, в отношениях между Востоком и Западом, а также правам человека. На секциях (их было больше 50) обсуждалось огромное количество проблем: от глобальной правовой системы до взаимосвязи права и математики.

Работа велась на английском и китайском языках. Перевод был только между китайским и английским языками и только на пленарных заседаниях, а в секциях все работало на английском. Наша огромная делегация надеялась на то, что будет русский перевод, но нам объяснили, что мероприятия подобного уровня предполагают владение языком международного общения. К сожалению, не все наши делегаты английским владели, и поэтому полноценно в работе конференции участвовать не смогли, это касается и известных ученых. Еще на подобных мероприятиях положено, чтобы все статьи подавались заранее, и к началу конференции уже был издан сборник. Те, кто не уверен в своем языке, просто следят за выступающим по книжке и в принципе имеют представление, о чем идет речь.

Наша секция была посвящена истории русской философии права, и кроме тех докладов, которые были заявлены от российских ученых, были также доклады из Германии, Австралии и Китая. Китайские ученые нас очень подробно расспрашивали, и мы заметили очень большой интерес именно к русской философии права, что, конечно, не может не радовать.

С: А у вас проблемы с языком возникли?

М.Л: Я поймала себя на мысли, что язык «до ума» доводить все-таки нужно. Допустим, слушать и понимать доклады на пленарных заседаниях можно было, хотя бы потому, что тематика мне понятна, и я владею терминологией. Но если бы речь шла о выступлении (к сожалению мы не смогли вовремя подать заявки на доклады из-за организационных моментов), то я думаю, что это было бы достаточно страшно. Конечно, я в последний момент бы себя пересилила и выступила, но страх все же есть, потому что в профессиональной среде я свой английский первый раз практиковала.

С: А еще что-нибудь интересное было?

М.Л: А еще в составе украинской делегации был ирландско-украинский художник Майкл Мерфенко, который ко дню закрытия конгресса подготовил выставку своих работ, нарисованных под впечатлением от Китая. Выставка называлась «Инсектоиды и рептилоиды» и была, прямо скажем, достаточно необыч-

ной (на китайской рисовой бумаге черной тушью изображались совершенно абстрактные формы, которые были развешены по стенам и разложены на полу). Очень забавно было наблюдать, как маститые правоведы формулируют свое отношение к современному искусству.

С: Им не понравилось?

М.Л: Не в этом дело. Просто настоящему интересные и глубокие люди интересны не только в своей профессии. Никто не сказал: «Это ужасно!» или «Это гениально!» Каждый из присутствующих просто высказал свои мысли, возникшие от увиденного. В итоге все очень увлеклось, и получилось, что эти странные картины стали поводом для самостоятельной мини-конференции. Художник был в полном восторге от такого внимания!

С: А Пекин удалось посмотреть?

М.Л: Конечно, ведь мы жили там целую неделю! Он абсолютно потрясает, это совершенно футуристический город. Это огромные, немислимого размера небоскребы, которые стоят не одиночно, а на каждом шагу, просто город небоскребов, это автомобильные развязки в 4 уровня, это 6 полосные дороги, которые все равно забиты!

Однако, ощущения толпы абсолютно нет. Просто все это настолько огромное, что ты чувствуешь себя муравьем. Кроме Пекина мы побывали в Шанхае. Шанхай совершенно другой – он намного моложе Пекина, но успел побывать колонией многих государств, что очень отчетливо отразилось в архитектуре города. Там тоже много небоскребов, но все это сочетается с абсолютно разными европейскими архитектурными стилями. Шанхай очень красивый и живой, в отличие от Пекина, который все-таки является «обложкой» Китая, поэтому в нем больше музейного и официозного.

С: А Вам хотелось бы вернуться не с рабочим визитом, а в качестве туриста?

М.Л: Сейчас я понимаю, что да. Тогда, к концу поездки мне казалось, что уже достаточно и можно бы домой, а сейчас уже не отказалась бы на все это еще раз посмотреть.

С: На лекции вы обмолвились, что привезли какие-то интересные материалы, расскажите о них подробнее?

М.Л: Да, я привезла сборник ра-

Сейчас я уже понимаю, что отличники - это плохо. Отличники привязаны к своему имиджу, они больше переживают за то, что о них думают окружающие

боты конференции, отдала его в нашу библиотеку. Я думаю, что для тех, кому не сложно перевести 2-х страничную статью с английского языка они будут очень полезными. В рамках своих дисциплин я буду включать в список литературы некоторые статьи.

(Материалы конгресса: 1) IVR 24th World Congress: Global Harmony and Rule of Law. September 15-20, Beijing, China. Papers. Plenary Sessions. 2) IVR 24th World Congress: Global Harmony and Rule of Law. September 15-20, Beijing, China. Abstracts. Special Workshops and Working Groups (I). 3) IVR 24th World Congress: Global Harmony and Rule of Law. September 15-20, Beijing, China. Abstracts. Special Workshops and Working Groups (II).)

С: У меня остались к вам последние, традиционные вопросы. Скажите, что Вы читаете, и я скажу, кто Вы.

М.Л: Такая постановка вопроса ко многому обязывает. Перечислю то, что понравилось из прочитанного относительно недавно: «День опричника» и «Сахарный Кремль» Владимира Сорокина (по-моему, тот редкий случай, когда продолжение даже лучше первой книги); «Чапаев и Пустота» Виктора Пелевина (старая вещь, давно собиралась прочитать и не зря); очень умная книжка «Философия одного переулочка» Александра Пятигорского; изумительная педагогическая поэма Павла Санаева «Похороните

меня за плинтусом». В машине недавно дослушала «Град обреченный» Стругацких. По образу мысли, точнее, по стилю размышлений мне близки Людмила Улицкая, Милан Кундера. Что касается классики, то здесь, мне кажется, нельзя говорить о предпочтениях: человек меняется и одни и те же вещи на разных этапах читаются им по-разному. Школьный этап чтения нужен, чтобы забить голову обрывками мыслей и сюжетов. Потом это все должно отлежаться, чтобы можно было приступать к этапу перечитывания. Я где-то в самом начале этого пути.

С: Музыка?

М.Л: С музыкой долгое время у меня отношения вообще отсутствовали. Пока я не обнаружила (мужу спасибо), что есть целый пласт отечественной музыкальной культуры, где люди принципиально немusикальные (типа меня) могут просто слушать текст. В результате все, что в магазине продается в разделе «Русский рок», давно уже не помещается у меня в машине и занимает значительную часть жизненного пространства дома. Слушается все: от «Наив» и «Lumen» до Ляписа Трубецкого и Петра Налича. Если выделить то, что мне ближе, то, наверное, это Юрий Шевчук. Нравится Сурганова, «Ундервуд», многое нравится. Я вообще благодарный слушатель и в отношении к чужому творчеству почти всегда настроена позитивно. Творчество же – это то, что человек делает с душой, значит, нельзя в эту душу плевать, даже, если тебе что-то непонятно или неинтересно. Это относится не только к музыке, но и ко всем видам искусства, к театру, например.

С: А в театр Вы часто ходите? И вообще, как проводите свободное время?

М.Л: В театр ходим довольно часто. В моем любимом Молодежном, например, посмотрели уже весь репертуар (некоторые спектакли по два раза). Стараемся успевать за новыми интересными фильмами (интересные – это, например, из последних: «Разомкнутые объятия» Альмодовара, «Загадочная история Бенджамина Баттона», «Чтец»). Еще муж регулярно водит меня на футбол. Не сказать, чтобы я была футбольным болельщиком, но что-то в этом определенно есть. А в основном, конечно, отдыхаем вместе с детьми. На выходных вот запускали настоящего змея, которого они заказали мне привезти из Китая. А!

Еще вся семья разговаривает цитатами из Лунтика и Смешариков – очень неплохие мультсериалы, которые мы, благодаря младшему ребенку уже выучили наизусть. Некоторых студентов называю теперь только Вупсень и Пупсень (это такие ленивые гусеницы-двоечники).

С: Про детей что-нибудь расскажете?

М.Л: Сыну 12, дочери 6. Очень интересные и совершенно разные. Все чаще ловлю себя на мысли, что теряю способность оценивать их в достаточной мере объективно, т.е. критически. Это, конечно, неправильно. Но они такие классные!

С: А Вы хотели бы, чтобы дети пошли по Вашим стопам?

М.Л: Конечно, нет. В жизни столько всего интересного! Все родители хотят, чтобы дети достигли чего-нибудь немислимого, нашли новую сферу, где реализовали бы все свои возможности. А вообще, сами, конечно, решат.

С: Вы религиозный человек?

М.Л: Нет. Но я фаталист.

С: Чего Вам сегодня не хватает в жизни?

М.Л: Кроме времени?

С: Ну, его всем не хватает!

М.Л: Наверное, не хватает уверенности, что я занимаюсь тем, чем, действительно, должна заниматься. Все время кажется, что есть какие-то гораздо более значительные вещи, о которых не знаешь, или не помнишь, или просто руки не доходят. Жизнь ведь не выделяет никому дополнительное время, чтобы реализовать упущенные возможности, поэтому приходится постоянно помнить, что живешь сразу «на чистовик».

С: Что бы вы сделали с миллионом долларов?

М.Л: Точно не стала бы выкидывать, как Ю.Л. Проценко (смеется). И не дала бы Юрию Леонтьевичу, а то он, чего доброго, и правда выкинет. А если серьезно, то поделила бы пополам. Половину оставила бы учебу детей, а на вторую половину покаталась по свету. А еще оставила бы чуть-чуть на диссертацию – защищать диссертацию в наше время не дешевое занятие.

С: Ну и напоследок, пожелайте что-нибудь нашим читателям?

М.Л: Я желаю, чтобы им было интересно. В первую очередь, интересно учиться, ну и, конечно, интересно жить.